

Л. СТОЛИЦА

Христианнейший поэт XX века

Об Александре Блоке

В утро христианства, когда Рим, а за ним весь мир допевал еще дико и нестройно свою языческую песнь медным ревом распущенных солдат, золотым лепетом пресыщенных философов и серебряным визгом развращенных красавиц, — чудно и странно было непривычному уху человека услышать новую и иную песнь, вдруг зазвучавшую во вселенной тихо, ясно и чисто, как хрустальный изначальный родник, как жемчужный живоносный источник. А песнь та была — радостные и грустные акафисты, слагаемые и распеваемые анахоретами, юными и старыми, простыми и мудрыми, в их белых киновиях, под голубой сенью пальм и розовой тенью пирамид среди великой пустыни Фиваидской.

Так же чудно и так же странно было несколько лет тому назад впервые услышать чистый и прекрасный голос Александра Блока, поющего свои канцоны «Прекрасной Даме», свои хвалы «Невесте Невестной», поющего так легко и свободно ото всего, что совершалось тогда вокруг. А вокруг — был пышный праздник поэтического экзотизма, шел роскошный пир мысленного эвдемонизма, справлялась торжественная тризна по политическому и нравственному идеалу. И до того нечаян и необычаен был этот голос молодого трубадура на рубеже двух веков, ультрамеханического XIX и неведомого еще XX, что многие от «критики» смутились, смешались, по-русски сказать, открестились от странного поэта. Отсюда — и доселе распространенное в широких кругах читающей публики определение Блока как поэта крайне субъективного, донельзя интимного, с безжизненно-келейным беспочвенно-мистическим исповеданием, а лучезарной лирики его — как аристократической, враж-

дебной искони-де присутствующим в русской литературе заветам народничества и началам общественности — поэтому и не всем нужной, и мало полезной. Оба эти определения в корне не верны. Мне кажется, что и непонимающее большинство и (якобы) понимающее меньшинство равно не разгадали особого, хотелось бы сказать, исключительного значения этого поэта. Первые — лениво и наивно доверяясь маститым судьям из толстых журналов; вторые — слепо и себялюбиво пленясь внешностью этой удивительной музыки, ее безразмерным стихом — этим ожерельем из ямбов и анапестов.

По-моему, А. Блок глубоко народен, подлинно общественен, а потому особенно у нас, на Руси, и особенно ныне чрезвычайно нужен и полезен. Попытаюсь это доказать.

Во-первых, дух блоковских произведений с самого начала его творчества и до сей поры неизменно, неуклонно, неколебимо христианский. А вспомним, что на нашем языке «христианский» — почти синоним с «крестьянский». Более того, он именно христианский в русском понимании этого слова, т. е. страдальческий и сострадальческий, винящийся, кающийся.

Во-вторых, Блок, как настоящий русский писатель, как истинный преемник Гоголя, Достоевского, Соловьева, хоть и интуитивно, но фанатичен, хоть и нечувствительно, но тенденциозен, хоть и несознательно, но учителен. От первой его книги, похожей на «запевающий сон», и до пятой, «сгорающей розе», — одно главное устремление, одно чудесное влечение, одно свыше предопределенное направление. К Невесте Невестной. К Спасению рода христианского. Правда, длинен и непрямо этот путь; долог и опасен этот крестовый поход. От природы к городу, от жития в чистоте и уединении к житию во грехе с людьми, от Марии к Магдалине. Блок — дуалист, как, впрочем, все христиане. Поэтому, с одной стороны, у него — «сумрак алый» или «лучистый», «Бог лазурный, чистый, нежный», «голубые дороги» и «золотые пороги», «белый храм» и «белый стан»; а с другой — «ввысь изверженные дымы», «комнат бархатный туман», переулки и подворотни, рестораны и кабаки, темные дворцы и желтые окна фабрик. Это не значит, что поэт не любит города; напротив, город магнетически и магически манит его, но тревожит, как и женщины этого города — прекрасные и печальные блудницы.

Принято говорить, что Блок певец вечной женственности. Мне думается, это не все. Этого мало. И великий Гёте под конец жизни пел *Mater dolorosa*¹, а ранее был великолепным язычником. Нет, Блок с юности — избранный слугитель Богоматери,

ревнивейший причетник в ее храме («Я, отрок, зажигаю свечи» и «Я вырезал посох из дуба»²), вернейший живописец икон ее (Благовещенье и Успенье³), нежнейший чтец ее канона (Романсего и Мэри⁴). Для него она — живое Божество, а не метафизический термин и не библейский миф. Отсюда то особое светлое долженствование, та грядущая любовная мораль, то новое высокое учение, что струится ручьем со страниц его книг, что тянется лучами за каждой строфой его. Учение это — в гордом служении дальней златокудрой Марии—Деве—Жене—Купине—Заре и в великодушном прощении ближней рыжекудрой Магдалине—блуднице—колдунье—маске—ночи. Стих его — девиз будущего чудного ордена рыцарей «вечной Розы» и «ночной Фиалки». Песнь его — клич дивного войска юных витязей, защитников Руси от тьмы и неправды, как встарь от лихой татарвы. Вот почему я называю поэзию А. Блока в глубокой степени общественной и учительной. Вот отчего считаю я ее особенно нужной теперь, в годы слабейшей нравственности и сильнейшей безыдейности.

Размер статьи не позволяет мне высказаться о форме произведений А. Блока. Скажу одно, что не только современные «цеховые»⁵, но, вероятно, и средневековые менестрели пели стихи менее сладчайшие.

Закончу тем же, чем и начала. Фиваидские отшельники проповедовали Христа рыбам и птицам; наши пустынники кормили из рук медведей и вепрей. Также трогательно — незлобиво и назидательно — в духе примитивного христианства относится и этот поэт к земным тварям, темным и бедным. Стоит в родимой чаще, светлый и строгий, как царевич Димитрий или князь Глеб, у ног его — благодарные и малые звери — чертенята и карлы, лягушки и другие гады, а над головой его — Дева-Заря со своим лазоревым покровом...⁶

